

УДК 94(571.17)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/23-1/08>

Морозов Н.М.

**КРЕСТЬЯНСКИЕ КОМИТЕТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ
КУЗНЕЦКОГО ОКРУГА В 1922-1932 гг.**

Morozov N.M.

**PEASANT COMMITTEES OF PUBLIC MUTUAL ASSISTANCE
OF THE KUZNETSK DISTRICT IN 1922-1932**

Аннотация. Статья посвящена актуальной и малоизученной проблеме деятельности кресткомов в Кузнецком округе. С привлечением документов регионального архива автор прослеживает процесс становления и развития крестьянских комитетов общественной взаимопомощи в доколхозной деревне, определяет роль местных партийных органов, окружного и районных отделов социального обеспечения и районных комитетов общественной взаимопомощи в организации внутренней жизни крестьянских комитетов. Выявлены категории получателей социальной помощи среди малообеспеченного крестьянства: бывшие красноармейцы и красные партизаны, инвалиды и жертвы белого террора, семьи красноармейцев, вдовы и сироты, трудоармейцы, больные и престарелые, испытывавшие материальную нужду. Выделены основные источники социальной помощи: членские взносы; фонды комитетов крестьянской взаимопомощи, которые пополнялись путём получения бесхозного имущества, добровольный сбор пожертвований, самообложение их членов по утверждённой норме с десятины посева, средства от реализации урожая, собранного с общественных запасок. Трудовая помощь многодетным вдовам сводилась к вывозке дров, сена, весенней пахоте и другим тяжёлым работам. Установлено, что во второй половине 1920-х гг. с развитием свободной торговли возросла хозяйственная активность сельских обществ взаимопомощи, охватывавших около 50% крестьянских домовладений, включая и часть середняков. Их деятельность стала более разнообразной и была направлена на увеличение общественной запашки, организацию совместных предприятий.

Ключевые слова: Кузнецкий округ, крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, кресткомы, социальная защита, общественные запашки.

Сведения об авторе: Морозов Николай Михайлович, канд. ист. наук, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Кемерово, Россия, e-mail: oven.7777@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the current and littlestudied problem of the activities of the crusades in the Kuznetscom district. With the involvement of documents of the regional archive, the author traces the process of renewal and development of peasant committees of public mutual assistance in the prefarm de reven, determines the role of local party bodies, district and district social welfare departments and district committees of public mutual assistance in organizing the internal life of peasant committees. The categories of recipients of social assistance of the poor peasantry were identified: former Red Army soldiers and Red partisans, disabled and victims of white terror, Red Army families, widows and orphans, Labor soldiers, sick and old who were in material need. The main sources of social power were identified, these are: membership fees; funds of peasant mutual assistance committees, which were replenished by obtaining orphan property, voluntary collection of donations, self-maintenance of their members according to the approved norm from tithing, funds from the sale of crops collected from public farms. Labor assistance to large widows was reduced to you-bringing firewood, hay, spring plowing and other hard work.

It was established that in the second half of the 1920s. with the development of free trade, the economic activity of rural mutual assistance societies increased, covering about 50% Crean households, including part of the middle peasants. Their activities became more diverse and were aimed at increasing public supply, organizing joint ventures (mills, rental of agricultural equipment, etc.). The expansion of the possibility of labor cooperation was facilitated by the exemption of peasant committees from taxes and fees, and the provision of loans. The general problem was the extremely unsatisfactory failure by the apparatus of the district and village councils to meet the needs of peasant committees. During the period of mass collectivization, their land and seed funds provided significant material assistance for the economic formation of collective farms.

Keywords: Kuznetsk district, peasant committees of public mutual assistance, crusades, social protection, public farms.
About the author: Morozov Nikolay Mikhaylovich, PhD, Federal Re-search Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo, Russia, e-mail: oven.7777@mail.ru

Морозов Н.М. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи Кузнецкого округа в 1922-1932 гг. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2023. №1(61). С. 76-83. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/23-1/08>

Morozov, N.M. (2023). Peasant Committees of Public Mutual Assistance of the Kuznetsk District in 1922-1932. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (1(61)), 76-83. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/23-1/08>

Введение. В настоящее время в России среди функций государства особое значение приобретает социальная защита населения, степень эффективности которой непосредственно отражается на материальном и психологическом состоянии наиболее социально уязвимой части населения, политическом микроклимате внутри общества, его устойчивости в целом. Кроме общей государственной стратегии социальной поддержки различных категорий малообеспеченных лиц, нуждающихся в ней, в каждой области, исходя из природно-географической, экономической и иной специфики, используются дополнительные меры социальной поддержки их жителей. На этом фоне среди сибирских территорий эксперты выделяют Кемеровскую область – Кузбасс, руководство которого в последние три десятилетия в неблагоприятных условиях становления рыночной экономики и негативного влияния на ведущие отрасли – угольную, металлургическую и химическую мировых экономических кризисов, выступило инициатором многих инициатив, позволивших сформировать комплексную программу социальной поддержки всех малообеспеченных слоёв населения, максимально насыщенную мерами адресной социальной помощи.

В этой связи не случаен интерес специалистов к опыту решения подобных проблем в том или ином регионе в различные исторические периоды, который накапливался, передавался от поколения к поколению, отражая дальнейшее наполнение формами и содержанием реализацию в обществе принципа социальной справедливости.

Обращение к проблеме крестьянских комитетов общественной взаимопомощи (далее – ККОВ или кресткомы) связано с тем, что они являлись одной из самых массовых общественных организаций доколхозного крестьянства. Кресткомы существовали десятилетие (1922-1932 гг.), пережив НЭП, начало индустриализации и массовой коллективизации. Они представляли собой модель решения проблемы оказания различных видов социальной помощи миллионам жителей деревни, переходную от общинных порядков дореволюционного периода к предоставлению колхозному крестьянству на рубеже 1950-1960-х гг. почти равноценного с рабочим классом социального обеспечения.

Интерес к истории кресткомов ещё в период их деятельности возник у представителей наркомата соцобеспечения РСФСР и ЦК КОВ [18; 19]. Начиная со второй половины XX в., появились десятки монографий, диссертационных исследований и статей профессиональных историков, в которых всесторонне освещена деятельность ККОВов [15]. Среди них выделяются обобщающие работы П.А. Алексанова, В.М. Васильчикова, В.П. Данилова, В.А. Сидорова и др. [1; 2; 13; 20]. Авторы достаточно полно изучили формы и методы работы кресткомов в решении социальных проблем деревни и руководящую роль в этом процессе партийных и советских органов власти, выделили три основных периода в их истории и общие тенденции функционирования.

Особую группу составляют исследования, в которых выявлены региональные особенности создания и деятельности кресткомов Поволжья, Северного Кавказа и других регионов, в том числе и Западной Сибири [3; 12; 25]. В них просматривается широкая трактовка целей создания ККОВов, связанных с усилением влияния ВКП(б) в деревне, выполнением ими учётно-распределительных и

контролирующих функций, экономического возрождения села, оказания помощи своим малообеспеченным членам.

Некоторые факты деятельности кресткомов на территории Кузнецкого округа фрагментарно присутствуют лишь в монографии Л.Д. Ефанова, посвящённой изучению опыта партийного руководства кресткомами в Сибири [14].

Материалы и методы исследования. Объектом исследования явились органы общественной взаимопомощи крестьян Кузнецкого округа в 1922-1932 гг.

Цель исследования – изучить деятельность крестьянских комитетов общественной взаимопомощи Кузнецкого округа в 1922-1932 гг.

Хронологические рамки статьи охватывают 1922-1932 гг. – период деятельности крестьянских комитетов общественной взаимопомощи.

Методы исследования. Несмотря на то, что в отечественной историографии проблема крестьянской взаимопомощи в доколхозной деревне отражена достаточно полно, остаются малоизученными её региональные аспекты на примере Кузбасса, где в 1920-е годы крестьянство, как нигде в Сибири, испытывало возрастающее влияние индустриального развития окрестных городов. Выяснить характер деятельности кресткомов в Кузнецком округе позволяет функциональный анализ управленческих документов, хранящихся в региональном архиве, отразивших подходы местных партийных органов, окружного и районных собесов и ККОВ к организации внутренней жизни сельских кресткомов.

Результаты и их обсуждение. После окончания Гражданской войны молодое советское государство не имело возможности организовать полноценное социальное обеспечение сельским жителям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Основная забота об их социальной защите, согласно Декрету СНК РСФСР от 14 мая 1921 г., была переложена на само крестьянство путём организации общественной взаимопомощи. С этой целью уже летом 1921 г. при сельских советах и волостных исполкомах стали создаваться выборные крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (далее – КОВы или кресткомы). На них возлагалась обязанность организации коллективной взаимопомощи нуждающимся жителям села (из бедняков и середнячества) при неурожаях, пожарах и других бедствиях, распределение направляемой в деревню государственной помощи. На её получение могли рассчитывать бывшие красноармейцы и партизаны, инвалиды и жертвы белого террора, семьи красноармейцев, вдовы и сироты, трудоармейцы, больные и престарелые, испытывавшие материальную нужду [17; 21; 22].

Вследствие затянувшегося процесса формирования по Сибири в целом, и на губернском уровне органов соцобеспечения, а также острого недостатка на местах коммунистов-организаторов, занятых решением продовольственного вопроса, борьбой с тифом и бандитизмом, преодолением разрухи, создание комитетов взаимопомощи растянулось более чем на год. В начале октября 1922 г. кресткомы уже действовали во всех 20 волостях и во всех 240 сёлах Кузнецкого уезда, во всех 19 волостях и 306 сёлах Щегловского уезда, в 35 из 44 волостях и в 200 из 498 сёл Мариинского уезда [14, с. 39]. В первых двух уездах вначале создавались сельские комитеты взаимопомощи. Затем их представители на волостных съездах выбирали состав волостных кресткомов. В Мариинском уезде и Тайгинском районе (Томский уезд) этот процесс инициировался сверху: вначале волостные кресткомы учреждались волостными съездами Советов, которые впоследствии занимались организацией комитетов взаимопомощи в сёлах. Нередко в одном селении, насчитывавшем до сотни и более хозяйств, могли функционировать несколько комитетов взаимопомощи, на сложившемся между соседями доверии объединявших от 10 и более домовладений. В обстановке острых классовых противоречий в деревне кресткомы создавались как бедняцкие объединения, в которые середняков не принимали.

Фонды комитетов крестьянской взаимопомощи пополнялись преимущественно путём получения бесхозного имущества, добровольного сбора пожертвований, самообложения их членов по норме от 2 до 15 фунтов с десятины посева, определённой общим собранием, а также от реализации урожая, собранного с общественных запашек. Трудовая помощь многодетным вдовам сводилась к вывозке дров, сена, весенней пахоте и другим тяжёлым работам.

Несмотря на то, что крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, согласно положения ВЦИК и СНК РСФСР от 25 сентября 1924 г., подлежали переименованию в крестьянские общества взаимопомощи, которые в условиях новой экономической политики должны действовать на основе принципов самостоятельности и самодеятельности [23], в Кузнецком округе, образованном в 1924 г. путём объединения территорий Мариинского, южной части Томского, Кузнецкого и Щегловского уездов, они сохранили прежнее название. Во второй половине 1920-х гг. с развитием свободной торговли возросла хозяйственная активность сельских обществ взаимопомощи, охватывавших около 50% крестьянских домовладений, включая и середняков. Их деятельность стала более разнообразной и была направлена на увеличение общественной запашки, организацию совместных предприятий (мельниц, прокат сельскохозяйственного инвентаря и др.). Расширению возможности кооперации труда способствовало освобождение ККОВов от налогов и сборов, предоставление кредитов. Ежегодно семьям красноармейцев предоставлялась льгота по уплате единого сельскохозяйственного налога (ЕСНХ). По соответствующим ходатайствам, направленным в районные Советы, солдатки освобождались от указанных выплат [4, л. 355].

В сентябре 1926 г. в Кузнецком округе прошли очередные ежегодные перевыборы председателей районных и сельских кресткомов. В них участвовало 37401 членов (29,1%) из 128231 по общему списку. В 11 районах под руководством районных комитетов крестьянской общественной взаимопомощи работали 260 сельских комитетов [6, л. 50]. Окружной ККОВ, согласно штатному расписанию, представляли ответственный секретарь комитета, секретарь-инструктор и счетовод [6, л. 70, 10, 58].

Окружное руководство в январе 1926 г. отмечало хорошую работу Щегловского и Топкинского районных ККОВов, средний уровень достижений – у Ленинского, Крапивинского, Красного и Бачатского ККОВов, ниже среднего – у Кузнецкого и Усть-Сосновского, и неудовлетворительное положение у Прокопьевского и Горно-Шорского ККОВов. Их материальный фонд на 1 октября 1925 г. оценивался: по районным комитетам – в 4262 рубля, по сельским КОВ – 15054 руб. Фонд формировался за счёт членских взносов, дохода от собственных и арендных предприятий, общественной запашки, поступления бесхозного, конфискованного и выморочного (не имеющего претендентов по наследству) имущества [6, л. 8].

К 1930 году в Кузнецком округе из имевшихся 328 триеров, 147 принадлежали кресткомам, приобретённым с помощью целевых взносов, основными плательщиками которых являлись середняки. В этот же год общественная запашка почти удвоилась – до 2740 га против 1160 га в 1929 г. [10, л. 165, 185, 192].

Вместе с тем, отсутствие управленческого опыта, слабая исполнительская дисциплина и дефицит специалистов, как в самом окружном ККОВ, так и в районных ККОВ обуславливали наличие проблем в организации социальной помощи сельскому населению, которые в апреле 1927 г. были рассмотрены на заседании бюро Кузнецкого окружного комитета ВКП(б). Его члены отметили отсутствие на окружном уровне точного учёта материальных и денежных ценностей, машин, сельскохозяйственных орудий, наличия зерна, семенного и продовольственного фондов помощи бедноте, инвалидам и семьям красноармейцев, погибших на войне. В районных ККОВах округа, где по штатному расписанию полагалось лишь два сотрудника – председатель и инструктор,

отсутствовал план весенней посевной кампании. Члены бюро говорили о «нездоровом уклоне» части кресткомов в сторону поощрения торговли в ущерб развитию семенного хозяйства, общественной запашки и другой производственной деятельности. Осуждение получила тенденция части сельских комитетов Кемеровского района к сдаче сельхозмашин в аренду не только крепким середнякам, но и кулакам. Все выявленные недостатки предписывалось немедленно устранить [7, л. 25-25 об.].

Учитывая то, что сельККОВы могут успешно работать лишь при сложившихся деловых взаимоотношениях с районными и сельскими исполкомами, ВЦИК и СНК РСФСР в сентябре 1927 г. утвердили инструкцию, регламентирующую содействие деятельности ККОВов со стороны органов советской власти. Тем не менее, практика показывала, что к концу 1928 г. такого характера взаимоотношения пока проявлялись не повсеместно.

Общим явлением было неисполнение аппаратами районных и сельских советов обязанностей по обслуживанию нужд кресткомов. Во многих районах, в лучшем случае, они не мешали работать. В период посевной 1928 г., по мнению проверяющих Сибкрайисполкома, в деятельности райисполкомов обнаружались существенные недочёты. Так, задерживалась передача ККОВам конфискованного хлеба, у кресткомов производились изъятия семенного материала в пользу появившихся колхозов, милиции и других посторонних организаций, не оказывалась требуемая поддержка в получении сельхозмашин и ссуд из бедняцкого фонда [10, л. 8]. Председатели районных и сельских кресткомов часто отвлекались властями от текущих дел для участия в различных политических и хозяйственных кампаниях, для работы в сельсоветах, ежегодно в августе-сентябре – в качестве районных уполномоченных по обязательным сельхоззаготовкам.

В условиях малочисленности штатов и отсутствия контроля, нередко руководители районных комитетов допускали преступную бесхозяйственность. В Ленинском райККОВе, например, учёт материалов, имущества, инвентаря, книга лицевых счетов сельских КОВ до мая 1929 г. вообще никогда не велись, ежегодные балансовые отчёты не составлялись [9, л. 8, 16]. В аппарате Кузнецкого райККОВа, допускавшего те же недочёты, работал без технического работника лишь один председатель т. Кузьмин, к тому же малограмотный.

Накануне массовой коллективизации крестьянства работа Щегловского горсобеса и его подразделов (городского общества помощи, районного ККОВ, отделений всесоюзных обществ глухих и слепых, союза кооперированных инвалидов и др.), по мнению его же руководства, велась, как и прежде, без какого-либо содействия со стороны руководящих краевых организаций. При наличии одного технического инспектора связь с сельскими ККОВами осуществлялась только посредством направления письменных директив через сельсоветы, которые не всегда выполнялись [11, л. 10-10 об.].

В Щегловском районе уборочная кампания 1931 г. проводилась при отсутствии контроля за 65 сельскими КОВ. Малочисленный штат районного ККОВ не мог охватить всё поле деятельности своевременным выездом во все сельские комитеты, равно как и уполномоченные городского и сельских советов мало обращали внимание на положение дел при заготовке кресткомами сена и соломы, которые по ночам предприимчивыми крестьянами нередко разворовывались.

В свою очередь, ещё весной 1931 г. членам кресткомов в качестве ссуды было роздано 1847 центнеров семенного и продовольственного зерна, возврат которых оказался невозможным, т. к. осенний урожай забрали колхозы. К тому же в Кузбассе с началом масштабного индустриального строительства часть крестьян распродавали своё имущество и уезжали из деревни, не уплатив кресткомам накопившейся задолженности.

В период сплошной коллективизации на смену кресткомам, чьи материальные ресурсы послужили основой для формирования колхозной коллективной собственности, согласно

Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 13 марта 1931 г. [24], под контролем партийных органов и исполкомов Советов на началах добровольного членства стали создаваться межколхозные и колхозные кассы взаимопомощи коллективизированного населения. Одиноким старики и потерявшие трудоспособность колхозники, не имевшие родственников, могли рассчитывать на помощь за счёт взносов членов касс.

Впрочем, объём собираемых средств в этот год и в последующем не превышал 20-30% от ежегодно планируемых показателей.

Кампания по реорганизации крестьянских обществ взаимопомощи в кассы общественной взаимопомощи, охватившая 414 сельских ККОВ, находившихся в 9 районах Кузбасса [8, л. 252], проходила в течение первых месяцев 1932 года. Окончательная ликвидация кресткомов, согласно постановлению правительства РСФСР от 1 февраля 1932 г., предполагалась при 68% коллективизации села [16]. На районном уровне кассы взаимопомощи колхозников находились в ведении новой управленческой структуры – районных касс взаимопомощи, функционировавших в составе ещё действовавших районных ККОВов. Весной члены колхозных касс на субботниках и воскресниках засеивали перешедшие им бывшие кресткомовские поля, тем самым вместе с индивидуальными взносами пополняя денежные и хлебные фонды. Только в Мариинском районе было засеяно 790 га, а в Топкинском – 747 га. Осенью колхозники – члены касс получили на один трудодень немногим более 4 кг зерна (в 1931 г. – около 2 кг) и 60 коп. деньгами (в 1931 г. – 33 коп.) [14, с. 254]. В крупных сёлах (например, в с. Смолино Щегловского района) кассы взаимопомощи организовывали детские ясли.

Городские и районные исполкомы ежегодно устанавливали районным ККОВам, просуществовавшим до середины 1930-х гг., и кассам общественной взаимопомощи в колхозах планы использования хлебных фондов. Кемеровский горсовет, к примеру, на 1934 г. запроектировал фонд одноимённого районного ККОВ в объёме 4562 центнера зерна. Зерно распределялось по статьям в следующих пропорциях: в семенной фонд – 1584 ц., на оказание помощи семьям красноармейцев и партизанам – 224 ц., помощь сиротам – 291 ц., помощь в случае болезни и родов – 866 ц., для организации ясель и детских площадок – 537 ц., на содержание домов инвалидов – 54 ц., содержание краевых (100 ц.) и районных (34 ц.) курсов колхозного актива, содержание аппарата райККОВ, общесб.тв глухих, немых и слепых – 195 ц., на прочие расходы – 250 ц. [5, л. 6].

Выводы. Таким образом, в 1920-е гг. политика руководящих органов Кузнецкого округа в отношении крестьянской общественной взаимопомощи была ориентирована на использования прежних общинных механизмов в организации крестьянского самоуправления и социального обеспечения жителей советской деревни. Сельские кресткомы, созданные как органы общественного социального обеспечения, сочетающие общественную и государственную помощь беднейшим слоям крестьянства, во второй половине 1920-х гг. превратились в проводников политики государства в деревне. В период массовой коллективизации их земельные и семенные фонды явились существенным материальным подспорьем для хозяйственного становления колхозов.

Литература

1. Алексанов П.А. В борьбе за социалистическое переустройство деревни (Крестьянская взаимопомощь. 1921–1932 гг.). М.: Мысль, 1971. 271 с. 1.
2. Васильчиков В. М. Государственное управление системой социального обеспечения в первые десятилетия советской власти // Современное общество и власть. 2015. № 3 (5). С. 9-14. 2.
3. Гагарин А.В. Крестьянские комитеты взаимопомощи Сибири в период восстановления народного хозяйства // Учёные записки Свердловского пед. ин-та. Сб. 38. Свердловск: изд-во Свердловского пед. ин-та, 1966. С. 380-386. 3.
4. ГАК. (Государственный архив Кузбасса). Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 29. 4.

5. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 412. 25.
6. ГАК. Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 1. 5.
7. ГАК. Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 2. 6.
8. ГАК. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 15. 7.
9. ГАК. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 17. 8.
10. ГАК. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 20. 9.
11. ГАК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 3. 10.
12. Галкина Т.И. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи Омской губернии в период восстановления народного хозяйства // Социалистическое и коммунистическое строительство в Западной Сибири. Омск, 1968. С. 23-28. 11.
13. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 357 с. 12.
14. Ефанов Л.Д. Крестьянская взаимопомощь Сибири (Из опыта партийного руководства кресткомми, 1921-1932 гг.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. 257 с. 13.
15. Иващенко Л.Е. Освещение деятельности крестьянских Комитетов общественной взаимопомощи (КОВ) в исторической литературе // Культура народов Причерноморья. 1999. № 6. С. 122-126. 14.
16. Известия: газета. 1932. № 36. 6 февраля. 15.
17. Левашов Ю.С. Крестьянские комитеты взаимопомощи Алтайской губернии в период восстановления народного хозяйства (1921-1925 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Вып.2. Томск, 1963. С. 50-68. 16.
18. Лысиков Е.А. Развитие крестьянской взаимопомощи. М.: изд-во НКСР РСФСР, 1932. 56 с. 17.
19. Милютин Н.А. Задачи и работа крестьянских комитетов общественной взаимопомощи. М.: Взаимопомощь, 1926. 24 с. 18.
20. Сидоров В.А. Классовая борьба в доколхозной деревне. М.: Мысль, 1978. 246 с. 19.
21. Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1921. № 48. 20.
22. Советская Сибирь. 1921. № 116 (475). 31 мая. 21.
23. СУ РСФСР. 1924. № 81. 22.
24. СУ РСФСР. 1931. № 16. 23.
25. Ходяков А.А. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи Новгородской губернии 1921-1927 // Новгородский исторический сборник. Л., 1993. Вып. 4. С. 177-191. 24.

References

1. Aleksanov, P.A. (1971). V bor'be za sotsialisticheskoe pereustrojstvo derevni (Krest'yanskaya vzaimopomoshh'. 1921-1932 gg.). Moscow: Mysl', 271 p. (In Russ.).
2. Vasil'chikov, V.M. (2015). Gosudarstvennoe upravlenie sistemoy sotsial'nogo obespecheniya v pervyye desyatiletia sovetskoj vlasti // Sovremennoe obshchestvo i vlast'. no. 3 (5). Pp. 9-14. (In Russ.).
3. Gagarin, A.B. (1966). Krest'yanskije komitety vzaimopomoshhi Sibiri v period vosstanovleniya narodnogo khozyajstva // Uchyonye zapiski Sverdlovskogo ped. in-ta. Sb. 38. Sverdlovsk. Pp. 380-386. (In Russ.).
4. ГАК. (Gosudarstvennyj arkhiv Kuzbass). F. R-18. Op. 1. D. 29. (In Russ.).
5. ГАК. F. R-18. Op. 1. D. 412. (In Russ.).
6. ГАК. F. R-219. Op. 1. D. 1. (In Russ.).
7. ГАК. F. R-219. Op. 1. D. 2. (In Russ.).
8. ГАК. F. R-39. Op. 1. D. 15. (In Russ.).
9. ГАК. F. R-39. Op. 1. D. 17. (In Russ.).
10. ГАК. F. R-39. Op. 1. D. 20. (In Russ.).
11. ГАК. F. R-9. Op. 1. D. 3. (In Russ.).
12. Galkina, T.I. (1968). Krest'yanskije komitety obshhestvennoj vzaimopomoshhi Omskoj gubernii v period vosstanovleniya narodnogo khozyajstva. *Sotsialisticheskoe i kommunisticheskoe stroitel'stvo v Zapadnoj Sibiri*. Omsk, pp. 23-28. (In Russ.).
13. Danilov, V.P. (1979). Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: sotsial'naya struktura, sotsial'nye otnosheniya. Moscow: Nauka, 357 p. (In Russ.).
14. Efanov, L.D. (1982). Krest'yanskaya vzaimopomoshh' Sibiri (Iz opyta partijnogo rukovodstva krestkomami, 1921-1932 gg.). Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 257 p. (In Russ.).
15. Ivashhenko, L.E. (1999). Osveshhenie deyatel'nosti krest'yanskikh Komitetov obshhestvennoj vzaimopomoshhi (KOV) v istoricheskoy literature // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. no. 6. Pp. 122-126. (In Russ.).
16. Izvestiya: gazeta. 1932. № 36. 6 fevralya. (In Russ.).
17. Levashov, YU.S. (1963). Krest'yanskije komitety vzaimopomoshhi Altajskoj gubernii v period vosstanovleniya narodnogo khozyajstva (1921-1925gg.) // Sibir' i Dal'nij Vostok v period vossta-novleniya narodnogo khozyajstva. Vyp.2. Tomsk, pp. 50-68. (In Russ.).

18. Lysikov, E.A. (1932). Razvitie krest'yanskoj vzaimopomoshhi. Moskow: izd-vo NKSO RSFSR, 56 p. (In Russ.).
19. Milyutin, N.A. (1926). Zadachi i rabota krest'yanskikh komitetov obshhestvennoj vzaimopomoshhi. Moskow: Vzaimopomoshh', 24 p. (In Russ.).
20. Sidorov, V.A. Klassovaya bor'ba v dokolkhoznoj derevne. Moskow : Mysl', 1978. 246 p. (In Russ.).
21. Sobranie uzakonenij RSFSR (SU RSFSR). 1921. № 48. (In Russ.).
22. Sovetskaya Sibir': gaseta. 1921. № 116 (475) 31 maya. (In Russ.).
23. SU RSFSR. 1924. №. 81. (In Russ.).
24. SU RSFSR. 1931. №. 16. (In Russ.).
25. Khodyakov, A.A. (1993). Krest'yanskie komitety obshhestvennoj vzaimopomoshhi Novgorodskoj gubernii 1921–1927 // Novgorodskij istoricheskij sbornik. Leningrad, Vyp. 4. pp. 177-191. (In Russ.).

Исследование осуществлено в рамках реализации научного проекта «Создание индустриальной базы на территории Кузбасса в конце XIX – первой половине XX вв.» (AAAA-A17-117041410054-8)

дата поступления: 10.11.2022

дата принятия: 01.12.2022

© Морозов Н.М., 2023